

Анри
БАРБЮС

(1873 - 1935)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Апри
БАРБЮС

Огонь

Роман. Повести

Москва

ЭКСМО

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 24

Перевод с французского *В. Парнаха, Н. Жарковой, Н. Немчиновой*

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Ганса Балушека*

Барбюс, Анри.

Огонь : роман, повести / Анри Барбюс ; [пер. с фр.] —
Б 24 Москва : Эксмо, 2014. — 480 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-73806-9

Роман французского писателя, журналиста Анри Барбюса «Огонь» начат в госпитале в декабре 1915 года — Барбюс в 1914 году ушел на фронт Первой мировой войны рядовым-добровольцем — и написан на основе репортерских записей, буквально из окопов. Страшная, мрачная книга — беспощадная и натуралистичная правда об истреблении и разрушении, о перемалывании жизней — глазами очевидца.

В сборник вошли также избранные повести писателя о войне.

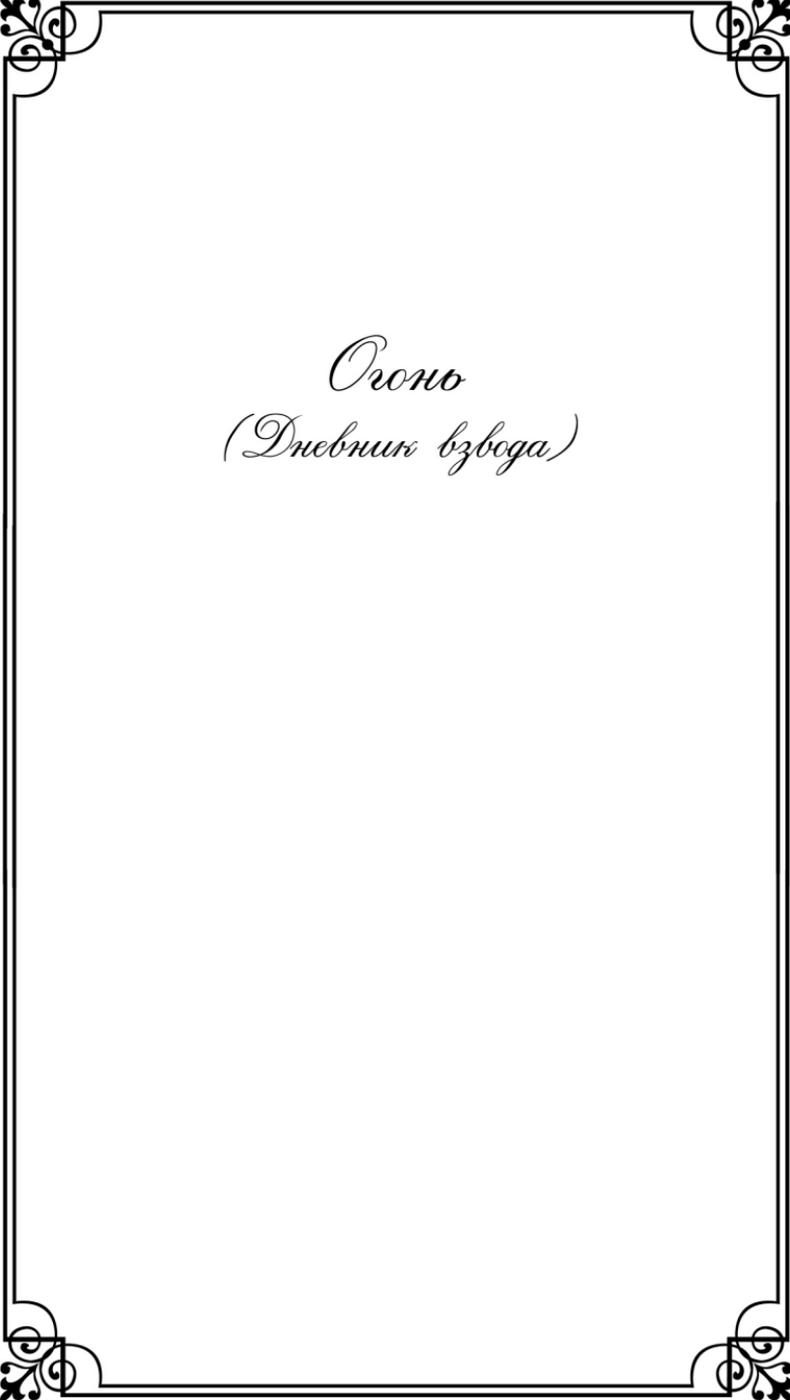
«Война — это не атака, похожая на парад, не сражение с развевающимися знаменами, даже не рукопашная схватка, в которой неистовствуют и кричат; война — это чудовищная, сверхъестественная усталость, вода по пояс, и грязь, и вши, и мерзость. Это заплесневелые лица, изодранные в клочья тела и трупы, всплывающие над прожорливой землей и даже не похожие больше на трупы. Да, война — это бесконечное однообразие бед, прерываемое потрясающими драмами, а не штык, сверкающий, как серебро, не петушиная песня рожка на солнце!»

А. Барбюс

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-699-73806-9

© Парнах В., Жаркова Н., Немчинова Н., перевод
на русский язык. Наследники, 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Огонь
(Дневник взвода)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая дотла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надолго засоренной осколками железа и отравленной гнилым мясом безвинно убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самоистребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всем, что раздражает их кожу и нервы, волнует их сердца и умы, молятся богу, молятся искренне и, как описывает это один из героев книги, молятся «идиотски одинаково», после чего снова начинают дикую работу самоубийства, так же «идиотски одинаково». На стр. 251¹ читатель найдет эту картину богослужения немцев и французов, одинаково искренне верующих, что в кровавом и подлом деле войны «с нами бог».

И они же затем говорят: «Богу — наплевать на нас!» И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

¹ Указание на страницу дано по изданию «Огня» 1936 г./, перевод И. Е. Спивака. Цитаты приведены в том же переводе.

«— Но, все-таки, как же он смеет, этот бог, позволять всем одинаково думать, что он — с ними, а не с другими?» Мысля трогательно, просто, как дети, — в общем же «идиотски одинаково», — эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

«— Если бы существовал бог, добрый и милосердный, — холода не было бы!»

Но, рассуждая так ясно, эти великие страстотерпцы снова идут убивать друг друга.

Зачем?

Почему?

Они и это знают, — они сами говорят о себе:

«— Ах, все мы неплохие люди, но — такие жалкие и несчастные. И при этом мы глупы, слишком глупы!»

И, сознавая это, они продолжают позорное, преступное дело разрушения.

Капрал Бертран знает больше других, он говорит языком мудреца.

«— Будущее! — воскликнул он вдруг тоном пророка. — Какими глазами станут впоследствии смотреть на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнелия, или же с подвигами апашей?.. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотой и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи, из этих, почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

— Либкнехт!

И поднялся, не разжимая скрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

— Будущее! Будущее! Дело будущего — загладить это настоящее, стереть его из памяти людей, как нечто отвратительное и позорное. И, однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей! Да, позор! Это правда, но это — слишком правда; правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее начертаят среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш. Мы, затерянные здесь изгнанники, еще далеки от этой эпохи.

Он как-то особенно звучно рассмеялся и задумчиво продолжал:

— Как-то раз я сказал им, что верю в пророчества, только для того, чтобы приободрить их и заставить идти вперед».

Но, говоря так, спокойный, мужественный человек, уважаемый всеми людьми своего взвода, ведет их на бессмысленную бойню и умирает на грязном поле, среди гниющих трупов.

Во всем этом ярко и насмешливо горит убийственное противоречие, унижающее человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины, созданной злой и темной силой на служение ее дьявольским целям.

И близки, и милы душе эти несчастные герои, но, по истине, они кажутся прокаженными, носящими в себе самих навеки непримиримое противоречие разума и воли. Кажется, что разум их уже настолько окреп и силен, что в состоянии остановить эту отвратительную бойню, прекратить мировое преступление, но... воли нет у них, и, понимая всю гадость убийства, отрицая его в душе, они все-таки идут убивать, разрушать и умирать в крови и грязи.

«— Битвы производятся нашими руками, — говорят они. — Мы служим материалом для войны. Она состоит

вся только из плоти и душ простых солдат. Это мы нагромождаем трупы на равнинах и наполняем реки кровью, все мы, хотя каждый из нас невидим и молчалив, ибо слишком велико наше число. Опустевшие города, разоренные села и деревни — это пустыни, лишившиеся нас или оставшиеся после нас. Да, все это мы — и только мы!

— Война — это народы. Без них не было бы ничего, кроме разве перебранки издалека. Но войну решают не они, а те, которые правят.

— Народы борются теперь, чтобы избавиться от этих правителей.

— В таком случае выходит, что мы работаем также и для пруссаков?

— Будем надеяться, что и для них, — согласился один из страдальцев.

— Народы — это ничто, а они должны быть всем, — проговорил в этот момент человек, вопрошающе глядевший на меня; он повторил неведомую для него историческую фразу, которой уже больше века, он придал ей, наконец, ее великий, всемирный смысл.

И этот несчастный, тая на четвереньках в грязи, поднял свое лицо прокаженного и жадно заглянул вперед, в бесконечность».

Что он увидит там?

Мы верим, что он увидит своих потомков свободными, разумными и сильными волей.

Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюс, человек, лично переживший весь ужас войны, все ее безумие. Это не парадная книга гениального Льва Толстого, гений которого созерцал войну в далеком прошлом; это не жалобное сочинение Берты Сутнер «Долой войну», — сочинение, написанное с добрым намерением, но не способное никого ни в чем ни убедить, ни разубедить.

Это — книга простая, исполненная пророческого гнева, это — первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с необоримую силою правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем не повинных людей, не повинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтических и героических раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат, — книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч миллионов людей, обреченных на смерть и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, это он главный герой книги Барбюса. Слепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравив их ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они в течение четырех лет разрушают в прах все, созданное трудом многих столетий, еще раз показывая самим себе, что злейший враг человека — его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо из писателей до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги — удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, — и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать

власть бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это — правда, и она должна утешить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

М. Горький

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней, в трагический год голода, в год конца победоносной войны голодных пролетариев, рабочих и крестьян, против богато вооруженных капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейскими лавочниками — в помощь своим братьям по жиру и духу — войск, среди которых был даже отряд кавалерии на ослах.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и ее колоний непрерывным, чудотворным трудом превратил обширную безграмотную страну полунищих крестьян и полудикой жадной мелкой буржуазии — в мощный социалистический братский союз народов.

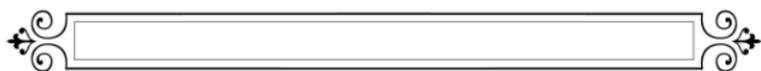
Ныне капиталисты Европы снова затевают войну, основная цель которой — нападение на Союз Социалистических Советов. Для того, чтоб начать эту войну, капиталистам необходимо единство. Наиболее наглая и очумевшая группа их предполагает достичь единства по примеру Наполеона: побить своих соседей и, схватив побежденных за шиворот, двинуть их против государства социалистического. План простой и ясный, этот план и заставил меня вспомнить об ослах.

Позорнейшая роль ослов в бойне 14—18 гг. характеризуется, как известно, поведением вождей немецкой социал-демократии, русских меньшевиков, эсеров и многих

прочих вождей той мелкой буржуазии, из которой капиталисты пятнадцать лет фабрикуют фашистов.

Мне кажется, что социалистически-революционная ценность работы Барбюса и других — сродных ему по духу — литераторов особенно хорошо и ясно видна именно с этой выше намеченной точки зрения. Его книга — одна из первых, которые за пятнадцать лет отрезвили многие тысячи голов, опьяненных кровью, и антифашистское движение, все более широко растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первейших своих основоположников.

М. Горький
11 сентября 1935 г.

*Памяти товарищей,
павших рядом со мной под Круши
на высоте 119.*

А. Б.

I

ВИДЕНИЕ

Лицом к вершинам Дан-дю-Миди, Эгюий-Верт и Монблана, на галерее санатория, в ряд лежат люди; из-под одеял виднеются исхудалые бескровные лица; глаза лихорадочно блестят.

Эта застекленная терраса дворца-госпиталя одиноко возвышается над миром.

Красные, зеленые, коричневые, белые одеяла из тонкой шерсти не шевелятся. На шезлонгах царит молчание. Кто-то кашлянул. Изредка слышится только шелест мерно переворачиваемых страниц книги или вопрос и ответ осторожно перешептывающихся соседей, или иногда на балюстраде хлопает крыльями дерзкая ворона, которая отбилась от стай, рассыпающихся бусами черного жемчуга в прозрачном небе.

Молчание здесь — закон. К тому же эти богатые, независимые люди, съехавшиеся сюда со всех концов света, пораженные одним и тем же недугом, отвыкли говорить. Они ушли в себя и думают только о своей жизни и смерти.